

АНТОН ШУШАРИН

ЩЕНКИ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш98

Шушарин, Антон Алексеевич.

Ш98   Щенки / Антон Шушарин. — Москва : Эксмо, 2022. — 224 с.

ISBN 978-5-04-169175-2

Сборник «Щенки», состоящий из повести и семи рассказов. Произведения затрагивают проблему подростковой преступности, описывают непростые судьбы воспитанников колонии для несовершеннолетних и мужчин, осужденных на строгий режим.

Герои рассказов — хулиганы, которых дети боятся в школах, взрослые гоняют из подъездов и обходят стороной на вечерних улицах, те, о которых забыли родители и мечтают забыть учителя, а также тёртые обитатели зон.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169175-2

© Шушарин А., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ПРАВИЛА ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА

Автор просит учесть, что все негативные эпизоды, описанные в произведении, никак не являются отражением истинного отношения сотрудников к осуждённым и осуждённых между собой.

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями – чистая случайность.

Сидя за письменным столом, Иван Сергеевич терпеливо ждал, глядя, как заполняется помещение для воспитательной работы второго отряда. Пацаны входили, здоровались, присаживались на свободные места за партами, которые были расставлены на школьный манер в три ряда.

Конюхов не понукал и не торопил их, потому что до начала традиционной субботней часовой лекции по социально-правовым вопросам оставалось ещё десять минут. Старший лейтенант скользил взглядом по информационным стендам, развешанным по периметру помещения на уровне глаз, по лицам воспитанников, которые вполголоса

перешёптывались, не концентрируя внимания ни на чём.

Метров сорок, может быть, пятьдесят, произвольно подумал Конюхов о квадратуре помещения. Три ряда парт по шесть штук, по два посадочных места, итого тридцать шесть...

— Иван Сергеевич, когда начнём? — заинтересовался с первого ряда круглолицый большеглазый мальчишка.

— Сергеич, про что лекция? — крикнул кто-то с задних парт.

— Сергеич, давай фильм посмотри!

— Сергеич, тоска!

— Так! — Конюхов взмахнул рукой, призывая к тишине.

— Хайль Гитлер! — тут же прокомментировали жест воспитанники.

— Гитлер капут! — крикнули в ответ другие.

— Янки гоу хом! — гаркнул с первой парты круглолицый и зарделся.

— Ша, малолетка! — применил коронный приём Иван Сергеевич, и все сразу притихли. Такой был уговор пацанов с воспитателем.

В зоне слова и договорённости имеют огромный вес. Особенно на «малолетке», где шкалит подростковый максимализм, где не бросают слова на ветер, где спрашивают как с «понимающих», где «коллектив» — это не название колхоза, а братство.

— Не зря я в «Школу лидера» в институте ходил, — улыбнулся Конюхов. — Все собрались?

— Все, — нестройно отозвалось братство.

— Так у нас тут тоже школа лидерства, Сергейч, — подмигнул сидящий на ближней парте парень с большими залысынами. — Небось покруче твоей.

Иван Сергеевич промолчал. Дима, лидер отряда, был его любимчиком, и подрывать его авторитет перед пацанами воспитатель не стал. Старший лейтенант помнил, каким запуганным зверьком два с половиной года назад попал в воспитательную колонию Дима. Как впервые рассказал о совершённом преступлении. Шутка ли, пятнадцатилетний пацан угодил на пять лет в колонию, и не за что-нибудь, а за убийство! Его поделник, рыжий здоровяк Сёма, сидел тут же, на заднем ряду.

А дело было так. Напились пацаны, бродили по городу. Хулиганы, безотцовщина, кичились друг перед другом своими «подвигами». То ли мужик пристал к ним, то ли они к мужику, теперь уже никто и не вспомнит, а получилось так, что забили они его до смерти. А наутро пришли к Димасу люди в погонах и забрали с собой. Димка низкорослый был, мелкий, но воля стальная — молчал, хоть режь, зато Сёма сразу скис и сдал с потрохами и себя, и поделника.

Теперь Дима стал лидером: старшим, самым уважаемым, самым авторитетным парнем в зоне. Воля и характер, конечно, сыграли роль, однако никто в колонии не знал, что помог ему воспитатель Иван Сергеевич, которого Дима любил и уважал как отца, которого у него никогда не было.

— Итак, тема нашего занятия... — начал Конюхов, — правила внутреннего распорядка. Я расскажу вам о том, что запрещается осуждённым воспитательных колоний, что они обязаны делать, какие имеют права, о режиме в нашем исправительном учреждении, о поощрениях и взысканиях, условиях отбывания наказания, о вещевом довольствии...

— Слышали сто раз! — загудели пацаны.

— Сергеич, хорош!

— Сергеич, каждый раз одно и то же!

— Сергеич, давай мы сами тебе расскажем!

— Э! Народ! — гаркнул Дима и обернулся, окинув взглядом всех и каждого; разговоры сразу затихли. — Сидим и слушаем. Уважаем воспитателя.

— И что, опять это слушать? — замахал руками Даня, смелый, но пока ещё «зелёный» пацан.

— Я сломаю тебя, слышишь! — прорычал Дима. — И любого из вас! Пикните мне ещё только.

— Спасибо, Дима, — остановил его Иван Сергеевич. — Тема скучная, я знаю, но есть такой порядок.

— Сергеич! — заныли задние парты. — Пощади!

— Слышишь, Иван Сергеевич! — позвал воспитателя сидящий за одной партой с Димой долговязый Паша. — Помнишь, как мы проводили знакомства с новенькими, а? Забыли мы традицию! А у нас целый час впере-

ди! Давай как раньше, а? Внутренний распорядок все ещё с карантина помнят.

Во втором отряде существовало правило. Вновь прибывший на ближайшем собрании осуждённых должен был «выйти к доске» и рассказать о своём преступлении, о том, как он попал на «малолетку». Мероприятие было очень увлекательное. Разрешалось задавать вопросы по «делу» новенького, интересоваться о личном. Таким образом пацаны узнавали вновь прибывшего воспитанника в присутствии воспитателя и под его чутким руководством. Лишнего болтать не полагалось, но и без этого лекция проходила на ура.

— А давайте! — улыбнулся Иван Сергеевич. — У нас новеньких человек пять, и каждому есть что рассказать.

Воспитатель хитро посмотрел на «свой народ». «Народ» нетерпеливо ёрзал на стульях.

— Слышь, — крикнул Дима, — Гопаненко, бери стул и выходи!

Гопаненко нерешительно привстал.

— Давай! Смелее! — понеслось с разных сторон. — Не бзди! Люди ждут! Не руби массу!

— Смелее, Андрюша, — подбодрил воспитатель. — Не ты первый, как говорится. У нас почти все через это прошли. Знакомство с отрядом.

Растолстевший за полгода, проведённые в следственном изоляторе, Андрей тяжело поднялся со своего места и, уцепив за спинку, потащил за собой стул. Выйдя к до-

ске, ещё раз глянув в сторону воспитателя, Гопаненко вздохнул, развернулся и сел на стул. Затем сложил руки на груди и закинул ногу на ногу. Он повертел лобастой головой, близорукими глазами скользнул по лицам ребят и уткнулся взглядом себе в ботинки.

— Ну и что? — крикнул с первой парты Серёга. — Чего молчишь? Рассказывай! Как зовут? Откуда родом? За что в колонию приехал?

— Я Андрей Гопаненко, — неуверенно начал воспитанник. — Я не местный, с района. Деревенский. Приехал в город, поступил в училище на сварщика. Поселился в общежитии. У меня только мать, отца не было. Стипендии не хватало, ну я и решил подзаработать. На наркотиках.

Тут Андрей замялся.

— Закладки делал? — Дима сдвинул брови.

— Ну, в общем, да, — кивнул Гопаненко.

— Мерзота ты, — констатировал Дима. — Я бы на воле...

Гопаненко поёжился.

— Дима, не пугай пацана, — заступился Рома, один из старшаков отряда. — Как будто он один за наркоту сидит. У нас таких пол-отряда.

— Вот все они мерзота. — Дима привстал и оглядел пацанов.

Те молчали.

— Много закладок сделать успел? — обратился к воспитаннику Иван Сергеевич.

— А какая разница? — удивился тот.

— Разница есть. Например, Рома, который тебя защищал, тоже за наркоту сидит. Скажи, Рома?

— Сходил с корешом за закладкой, — отозвался Рома. — Никогда с ментами не сталкивался, даже приводов не было, в гимназии учился. Просто дружок позвал, мол, за компанию. Мы нычку взорвали, груз под карнизом окна на первом этаже дома лежал, только десять метров отошли, а сзади уже бегут. Свалили, по роже надавали, и в отдел. А там дружок мой сразу явку дал на меня и на себя.

Рома развёл руками. Пацаны сочувственно повздыхали, несмотря на то что историю эту знали не хуже самого автора.

— Я где-то тридцать закладок успел сделать, — прикинул Андрей. — А потом меня взяли, ждали на месте. Похоже, меня кто-то сдал.

— А ты на кого работал?

Гопаненко ответил.

— Я знаю этого подонка! — вскочил с места Олег, тоже новенький в воспитательной колонии. — Я из-за него сижу!

— Погоди, — прервал его Серёга. — В свою очередь расскажешь.

— Меня приняли, — уже не мог остановиться Олег. — Опер за волосы схватил, в лицо зыркнул и говорит, мол, это не тот!

— И что? — заинтересовался Иван Сергеевич.

— Что... Всё равно посадили, — Олег обессиленно упал обратно на стул. — Можно я не буду выходить, я и так всё рассказал.

— Можно, — разрешил Дима. — Слышь, Гопа, а условия у тебя были?

— Нет, — отозвался Андрей, не обидевшись на сокращённый вариант своей фамилии. — У меня до этого вообще никаких проблем с законом не было. Я же в деревне жил. Даже не знаю, кто у нас участковый.

— Скажи, Андрей, пацанам, — задал вопрос воспитатель, — сколько ты заработал на закладках?

— Немного, — пожал плечами Гопаненко. — Я всего месяц работал. Где-то тысяч тридцать. Не больше.

— Настоящий бизнесмен, — съязвил кто-то.

Пацаны хоть и относились с пониманием к каждому, но торговцев наркотиками презирали — за то, что те сеяли вокруг себя медленную смерть. Почти у каждого перед глазами был пример того, как кто-то из близких или друзей слетал с катушек из-за алкоголя и наркоты. Наркоты, которую разносят такие вот на первый взгляд невинные тюфяки.

— Знаешь, Андрей, сколько получает в среднем сварщик? — продолжал гнуть свою линию Конюхов.

— Много, — вздохнул парень.

— Много, — подтвердил воспитатель. — А теперь посчитай, если тебе три года дали, во сколько обходится для тебя один день в зоне. Наверно, не стоило этим заниматься. Наверно, надо было доучиться и пойти работать. Как думаешь?

— Лучше бы меня палкой отфигачили! — признался Андрей. — Я почему-то не верил, что посадят. Как в игру играл. Я уже на второй день в следственном изоляторе всё осознал, а толку? Сидеть ещё три года.

Андрей поник.

— Мне это знакомо, — согласился Рома.

— И мне, — отозвался со своего места Олег.

— Ты давай, зареви тут ещё при всех, — поморщился Дима. — Я бы вам руки отрубал за это, а то три года...

— Сделанного не воротишь, на будущее урок, — резюмировал Иван Сергеевич. — Присаживайся на место, Андрей. Только стул оставь. Кто там у нас следующий?

Все посмотрели на мелкого рыжеватого паренька с широким, как у африканца, носом. Мальчишка густо покраснел.

— Слышь, непонятный, — позвал Дима. — Сюда иди. Сейчас ты нам всё расскажешь, шалунишка.

— У него какая статья? — переговаривались пацаны.

— Это тот, который насильник? Или что там у него?

— Сейчас он сам расскажет.

Мальчишка вышел на середину, присел на стул, кашлянул и представился:

— Здорово, народ. Я Вадик. Про статью вы уже знаете, а я вам расскажу, как всё на самом деле было.

«Народ» зашумел.

— Ну, попробуй.

— А что он сделал?

— Он одноклассницу пошевелил в кустах!

— Дурак! Он вроде маму одноклассницы...

— Да ну, хорош заливать!

— Тихо! — замахал руками Конюхов. — Тихо!

— Мне скрывать нечего, — волнуясь, начал Вадик. — Да, у меня статья неприличная. Изнасилование несовершеннолетней.

— О-о-о! — снова загудели пацаны, но быстро притихли под строгим взглядом воспитателя.

— А у нас любовь была. Да. И не смейтесь. Моя девушка, бывшая уже, она даже старше меня была на год. И всё у нас было по согласию. По любви.

— Обычно когда по любви, то в тюрьму не садят, — почесал ухо Серёга. — Если по любви, то никто и не знает.

— А у меня узнали! Сидите тут, потешаетесь. Я заметил, что вам лишь бы поржать, неважно какой повод.

— Распутный моралист, — поднял палец Серёга.

— Я поднимался по лестнице в школе на третий этаж, у нас там урок был, — проигнорировал Вадик. — А она вниз спускалась. И солнце освещало её волосы, русые, вьющиеся, платье, отражалось в нейлоне колготок.

Пацаны притихли и прислушались.

— Я замер. — Мальчишка пожал плечами. — И влюбился.

Вздых прошёл по кабинету.

— Сеанс, — прошептал всё тот же Серёга.

— Я потерял покой. Не ем, не сплю. Учиться не могу. Вместо конспектов пишу песни о своей принцессе.

— Е-е-е-е! — загалдел народ.

— Поэт, — усмехнулся Димас.

— Полиглот, — кивнул Рома.

— Я за ней, — продолжил ободрённый Вадик. — В школе, на улице. Провожая, встречаю. Обезумел вообще!

Прокатился смешок.

— Она два дня да, три дня нет. Не знаю, что и думать. Любовь вертится передо мной то передом, то задом.

— Какая Любовь? — кричат.

— Про Любку мы пропустили!

— Он фигурально, олухи! — трясёт рукой Димас.

— Перорально! — кричат в ответ.

— В общем, я говорю, Лиза, знакомь с родителями. У меня всё серьёзно. Она дрогнула. Поцеловались. Познакомился с папой — мужи-и-и-и-к!

Хохоток с задних «хулиганских» рядов.

— Суровый дядя. — Мальчишка явно играл на публику. Иван Сергеевич улыбался. — Руку сжал — я чуть сознание не потерял. У вас, говорит, всё серьёзно? Я говорю «да». Он говорит, тогда можете за руку держаться. Я поржал, где-то глубоко внутри, неявно. А Лизу с того дня начал тискать неистово.

Народ загалдел, заулюлюкал. Иван Сергеевич глянул на часы, призвал к тишине.

— Короче, — Вадик почесал нос, — у нас всё произошло.

Воспитатель встал и погрозил пальцем.